

Мария Леманн

Железный Эдем

Photo by David Wirzba on Unsplash

18+

Мария Леманн

Железный Эдем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68306566

SelfPub; 2022

Аннотация

Ядерная зима окутывает планету. Я стою в толпе людей, пытаюсь попасть внутрь. Раздается крик молодой женщины. Пожилой мужчина оборачивается и идет в противоположную сторону от бункера. Идет к нам, стоящим по ту сторону баррикад. Он счастлив...

Мария Леманн

Железный Эдем

В садах Эдема не будет пустословия. Вокруг будет царить радость и полное умиротворение. (Коран)

– Через 15 минут прямой эфир. Филипп Александрович, вы готовы? – спросил ассистент, поправляя микрофон пожилому профессору с густой бородой.

– Как я могу быть готов? Мне сейчас придется врать всему миру. Улыбаться и уверять, что все хорошо, что ресурсов планеты достаточно для реализации проекта «Феникс», – растерянно сказал Филипп Александрович Куприянов. – Мне это не нравится, моя совесть не позволит. Я не буду!

Профессор отстранил ассистента и направился в кабинет, в котором за круглым столом сидели главы всех государств первого мира. Дальше дверей его не пустили, так как было важное собрание.

Их политика мало отличалась от бандитских разборок: они раскидывали щупальца своего могущества на страны второго сорта, и, как маленькие дети, пытались отнять их друг у друга, в конечном счете ломая и выбрасывая сломанную игрушку, только теперь это называлось политикой. После третьей мировой войны с применением ядерного оружия

повсеместно стали появляться признаки ядерной зимы, которые грозили тотальным вымиранием.

Во главе союза стоял Сергей Васильевич Прокопьев. Это был тучный мужчина лет 45, в дорогом костюме, с большим, красным, чисто выбритым лицом и жиденькими волосами, зачесанными назад, чтобы скрыть лысину. Тяжёлый аромат его одеколona действовал на собеседников удушающе. В данный момент он разговаривал с главой Японии на весьма повышенных тонах. Озэму Фурукава еще в начале создания проекта выдвинул предложение сделать бункеры не только для элиты и ведущих специалистов мира, но и для выживания рабочего класса. Фурукава всегда был ближе к народу, и считал гуманное решение более логичным. Этот конфликт интересов вызвал проблемы: главы других государств не разделяли идею бункеров для всех, аргументируя это тем, что ресурсов хватит только на «самых полезных».

– Фурукава, как же вы не понимаете, что у нас недостаточно ресурсов для спасения обычных людей! Вам напомнить, что за два сезона посевных работ не взошло ничего? Начнется голод, – вытирая пот со лба, прохрипел Сергей Васильевич.

– Голод уже начался. Вы бы это знали, если бы интересовались жизнью людей. Рабочий класс – это необходимая сила. В бункерах нового поколения возможно выращивать зерновые культуры и корнеплоды без потери качества и ко-

личества. Мы уже добились результатов в лаборатории, – на ломаном русском сказал Фурукава.

– Мы, – обведя рукой присутствующих, сказал Прокопьев, – не готовы тратить ресурсы на батраков. Коллеги, предлагаю проголосовать. За проект бункеров для всех – «Эдем» – есть желающие отдать голос?

Поднял руку только Фурукава.

– Один, – заулыбался Прокопьев. – За проект «Феникс»? Большинство. Господин Фурукава, смело могу сказать, что ваша идея потерпела крах. Мы реализуем проект «Феникс».

Глава Японии побледнел от ярости, но ничем больше не выдал своих чувств. Он снял очки и убрал их во внутренний карман пиджака.

– Вы все самодовольные глупцы. Планета гибнет, а вы упорно не хотите тратить ресурсы на спасение человечества, – спокойно сказал Фурукава. – Как это называется у вас, у русских, «собака на сене»? Да! Именно! Собака на сене. Япония выходит из союза.

Он собрал папку с проектом и стремительно вышел из кабинета. За дверью стоял Филипп Александрович и ждал возможности поговорить с Прокопьевым.

– Сергей Васильевич! – крикнул в открывшуюся дверь Куприянов. Сергей Васильевич услышал и поспешно, насколько это было возможно при его комплекции, направился к двери.

В голове профессор уже несколько раз прокручивал диа-

лог с Прокопьевым. Думал о том, как он смело откажется и уйдет на пенсию. Последнюю неделю нервы были ни к черту: спал он плохо, кусок в рот не лез.

– Что случилось, Филипп Александрович? В тексте есть неточности? – взволнованно отдуваясь, спросил Прокопьев.

– Нет, с текстом все хорошо, – смутился профессор. – Сергей Васильевич, я не могу. Мне не по душе эта затея. Моя совесть...

– Ваша совесть снова заговорила? – ухмыльнулся краснолицый толстяк. – Я думал, мы вашу совесть усыпили чудными апартаментами в элитном бункере для всей вашей семьи, и неограниченными запасами ресурсов. Или вы хотите сказать, что отказываетесь и останетесь на поверхности?

Такого поворота Куприянов не ожидал. Ему думалось, что все эти блага он получил за многолетнюю службу Родине. За разработку ядерного оружия нового поколения и бункеров. Теперь картина предстала перед ним во всей своей красе. Его могут вышвырнуть. Просто перечеркнуть все его заслуги и убрать. Он столько пота и крови отдал этой машине, был незаменимым винтиком, пропускал дни рождения дочерей, утренники и выпускные, ради того, чтобы его просто вышвырнули из-за нежелания делать грязную работу за кого-то?

– Нет, я не отказываюсь – растерянно пробормотал профессор, – просто мне...

– Вот и хорошо, – перебил его Прокопьев, – поправьте гал-

стук и произнесите речь в прямом эфире так, чтобы у людей не зародилось подозрений, будто их обманывают.

Профессор кивнул и направился в гримерку. Он чувствовал всю ничтожность своего положения, но руки его были связаны из-за безграничной любви к своей семье. Не мог он в очередной раз их подвести.

Всю свою сознательную жизнь Филипп Александрович верил своим правителям и делал все, что от него потребуются. Он был одним из тех, кто работал над засекреченным проектом по созданию ядерного оружия. Их уверяли, что это для безопасности Родины, так как Запад «подбирается» к границам. Может, это и соответствовало действительности, но как итог – климатическая катастрофа и вымирание человечества.

– Вы готовы, профессор? – вопрос выдернул Куприянова из раздумий.

– Да, готов.

– Тогда идите к трибуне. Копия обращения уже там. По сигналу начнете говорить в камеру. После мы выйдем на улицу, и вы ответите на несколько вопросов журналистов. Мы выбрали из наших, провокационных вопросов не будет.

Он вышел из гримерки. Зона для выступления была украшена всеми флагами союза, кроме Японии. Текст обращения действительно лежал там, куда его положили. Профессор еще раз пробежал взглядом по строчкам и закрыл глаза. Сейчас ему придется врать за всех: уверять, что опасно-

сти нет, и давать ложные результаты исследований. А ведь он может сказать правду! У него будет минута до того, как они отключат эфир. Минуты достаточно.

Филипп Александрович стоял и ждал сигнала. Ком застрял в горле. Его раздирали противоречивые мысли.

– Через 3..2..1..

Куприянов молчал.

– Филипп Александрович, можно говорить, – прошептал ассистент.

«Сейчас или никогда», – подумал профессор. Сделав глубокий вдох, Куприянов начал говорить.

***

Температура воздуха была все рекорды. Укутав шею в шерстяной шарф и натянув шапку по самые брови, Филипп Александрович наклонился к печке автомобиля. На задних пассажирских сидела жена, дочь и ее двое маленьких сыночек.

– Через пять минут будем на месте, Филипп Александрович, – сказал водитель

– Спасибо, Петр.

Оба замолчали.

– Скажи, Петр, много нас таких?

– Да не очень, Филипп Александрович. Вы пятые, кого мне назначали привезти. Еще две семьи, и поеду за своими, жена с сыном ждут. У нее третий триместр, совсем близко роды, будет девочка. Мне пообещали, что в бункере будет

лучший акушер, которого можно найти. Поэтому я и взялся за эту работу. Все ради семьи, понимаете?

«Тебя нагло обманывают».

– Понимаю, – прошептал пожилой мужчина и отвернулся к окну.

У ворот бункера толпились люди. Все хотели попасть внутрь. Иногда раздавались выстрелы, и кто-то падал. Растолкав толпу у ворот, военные пропустили машину.

– Нам пора. Внуков я поведу сам, – сказал профессор.

Взяв за руки детей, он направился к массивной двери, у которой их уже поджидали.

– Отец! – раздалось где-то далеко за спиной.

Куприянов обернулся и увидел свою младшую дочь за воротами в толпе людей, она махала ему рукой.

«Передумала!» – мелькнуло в голове. Оставив внуков жене, он побежал к воротам, чтобы забрать её с собой.

– Анна! Не трогайте ее! Она со мной! – закричал профессор.

Протиснувшись через военных, он обнял свою младшую дочь и слезы хлынули у него из глаз.

– Ты передумала, моя дорогая! Моя любимая! Анечка! Я так рад, что ты останешься с нами, – держа девушку в объятиях, говорил Филипп Александрович.

– Папа, – посмотрев снизу вверх в глаза отцу, сказала молодая девушка, – это тебе за предательство человечества!

Что-то больно кольнуло его под ребро, багровая жидкость

начала впитываться в одежду. Куприянов дернулся и увидел в руке дочери нож, весь в крови. Профессор не мог в это поверить. Он изумленно смотрел на свое чадо.

Военный, стоявший ближе, повернулся. У него был четкий приказ. Он навел дуло на девушку.

– Нет!– поднимая руки вверх вскричал бледный Куприянов.

Очередная серия выстрелов разорвала воздух. Люди в толпе снова разбежались в разные стороны, как пугливые зайцы.

Девушка упала и больше не двигалась. Красная лужа растекалась по асфальту. Старик рухнул на колени от слабости. Рыдая, он подполз к бездыханному телу, обнял свою мертвую дочь и, целуя в лоб, начал укачивать.

Как когда-то давно укачивал ее, крохотную, на своих руках.

Очень давно.